

А. Л. Грюнберг. Языки восточного Гиндукуша. Мунджанский язык (тексты, словарь, грамматический очерк). — Л., ЛО издательства «Наука», 1972. 474 стр., 4 л. фотографий, карта.

Рецензируемую книгу открывает подробная карта Мунджана, высокогорной области в Восточном Гиндукуше (Афганистан), в которую до А. Л. Грюнберга не ступала нога лингвиста. Фрагментарные и не всегда достоверные сведения о мунджанском (равно как и близком к нему языке йидга) записывались предшествующими исследователями у выходцев из Мунджана вне района распространения этого языка (работы Г. Моргенштерне, И. И. Зарубина, Р. Готье и других исследователей, краткий обзор которых есть в предисловии к рецензируемой работе, стр. 11—15).

Уже первые отрывочные известия о мунджанском показали, что этот язык, наряду с другими бесписьменными восточноиранскими языками памирско-гиндукушского этнолингвистического региона (шугнано-рушанская группа языков-диалектов, язгулямский, ваханский, иш-кашмиский), может дать весьма ценный материал для сравнительно-исторического иранского языковедения и для индоевропейстики в целом (работы Р. Б. Шоу, В. Томашека, Ван ден Гейна, В. Гейгера). Сохраненная мунджанским лексика поразительно близка авестийской даже по своему фонетическому облику: мундж. *xšāwa*, авест. *xšapa-* «ночь»; мундж. *xšīrā*, авест. *xšīra-* «молоко»; мундж. *γolv*, авест. *gadwa-* «собака». После открытия памятников бактрийского языка именно в мунджанском обнаружился его ближайший родственник, и имевшиеся скудные йидго-мунджанские материалы в известной степени способствовали дешифровке бактрийского письма (ср. бактр. *kaλdo ... maλo aλaδo*, мундж. *kāla māla āšāyū...* «когда сюда пришел...»). Однако всесторонняя разработка авестийско-мунджанских и бактрийско-мунджанских историко-диалектологических отношений была до сих пор невозможна по причине отсутствия обширных и достоверных мунджанских материалов, записанных фонетической транскрипцией (имевшиеся в наличии были записаны крайне приблизительной транскрипцией). С выходом книги А. Л. Грюнберга такие материалы поступили в распоряжение исследователей.

То, что мунджанский язык оставался до сих пор малоизученным, объясняется не отсутствием интереса к нему (наоборот, несовершенные мунджанские материалы привлекались лингвистами, может быть, чаще, чем они того заслуживали), а чрезвычайной труднодоступностью района распространения этого языка. Автору рецензируемой работы удалось успешно преодолеть многочисленные сложности, связанные с путешествием в географически малоисследованный и труднодоступ-

ный район, и это, разумеется, необходимо иметь в виду при оценке полученных им сведений.

Большую часть книги занимают тексты с переводом (стр. 18—265). Для бесписьменного языка, каким является мунджанский, тексты — это не исходный пункт, а завершение важного этапа исследования. Представление о сборе полевых материалов как о некоем пассивном процессе (сам термин «сбор» подразумевает процесс пассивной регистрации) — неверно. Аналогия между диалектологической работой и фиксацией бесписьменного языка также ограничена: в одном случае регистрируются отклонения от условного эталона, в другом — исследователь начинает фиксацию от нуля и имеет дело с потоком неизвестной речи, который требуется расчленить на языковые единицы. После записи и соответствующей обработки тексты в свою очередь становятся объектом самых разнообразных штудий: синхронных, типологических, сравнительно-исторических. Исходя из текстов, можно подвергать проверке выводы самого фиксатора относительно фонетической и морфологической структуры описываемого языка. Тексты, таким образом, имеют абсолютную ценность, поэтому место, отведенное им в рецензируемой книге, вполне заслужено, а грамматический очерк как менее существенная часть исследования, составление которой (по опубликованным текстам) доступно и другим лингвистам, помещен в конце работы.

Половину корпуса текстов составляют сказки. Сюжеты мунджанских сказок неоригинальны, они общи для многих народов памирско-гиндукушского региона. Наиболее ценную часть корпуса текстов составляют рассказы этнографического содержания. В иранистической работе такого типа привлечение большого количества этнографических рассказов, разнообразных по содержанию, осуществлено впервые. Эти рассказы охватывают практически все стороны жизни мунджанцев: занятия, обряды и праздники, религию, пищу, народную медицину. Вот заголовки некоторых рассказов: «Скотоводство в Мунджане», «Земледелие», «Строительство дома», «Рождение сына и обрезание», «Сватовство и свадьба», «Похороны». В части рассказов повествуется о жизни и обычаях соседних индоарийских племен Нуристана (прасунских кафиров, вайгальцев, калашей). Некоторые рассказы обладают определенными литературными достоинствами и увлекательным сюжетом: «Приезд ходжи», «Ссора из-за женщины», «На лазуритовом руднике», «Снежная лавина в Гандадук-шопле». Чтобы записать и перевести такой, например, рассказ, как «Приезд

ходжи» (исмаилитского наставника), требуется не только хорошее знание языка и местных реалий, но и умение расположить к себе информатора, поскольку исмаилизм — одно из самых засекреченных сектантских вероучений ислама, и исмаилиты (каковыми являются и мунджанцы) предпочитают не распространяться о своих религиозных взглядах и обычаях.

Этнографические рассказы значительно расширяют сферу фиксируемой лексики (язык фольклора достаточно однообразен), к тому же они содержат исключительно ценные сведения по этнографии Мунджана и прилегающих районов, которые остаются пока малоисследованными в этом аспекте. Соединение данных языка и этнографии будет способствовать выяснению истории этого региона, поскольку данные письменных источников, особенно для более отдаленных периодов, крайне отрывочны.

Важно отметить, что А. Л. Грюнберг выступает в этом разделе своей работы не просто как поставщик материалов для историков и этнографов. Большинство публикуемых им текстов имеет подстрочные комментарии, в которых приводятся аналогии и разъяснения из существующей этнографической и исторической литературы по Западному Памиру и Восточному Гиндукушу.

Словарь мунджанского языка, содержащийся в работе (стр. 266—397), насчитывает около 2500 слов. Новых мунджанских слов зафиксировано А. Л. Грюнбергом не так уж и много (около 500, из них исконно мунджанских, очевидно, не многим более полутора сотен), однако основная заслуга автора состоит, во-первых, в том, что впервые мунджанские слова даются в фонологической транскрипции, а также в том, что установлены четкие говорные различия внутри мунджанского языка. Выяснение фонемного состава мунджанского будет способствовать созданию правильной картины исторического развития этого языка, что было ранее невозможно, особенно в области вокализма. При наличии же обширных связанных текстов, представляющих все мунджанские говоры, можно быть вполне уверенным в том, что основной пласт мунджанской лексики теперь надежно зафиксирован.

В словарь включены также мунджанские материалы из работ Г. Моргенштерне (1938), И. И. Зарубина (1927) и некоторые другие материалы (топонимы с крупномасштабных карт, лексика из работ этнографов) и, таким образом, можно считать, что словарь А. Л. Грюнберга включает в себя всю известную на сегодняшний день мунджанскую лексику. Ко многим мунджанским словам приводятся параллели из языка йидга (по материалам Г. Моргенштерне). Здесь можно, однако, отметить пропуски; так, нет параллелей

(имеющихся в работе Г. Моргенштерне) к таким мунджанским словам: *wiŕiŕa* «лягушка» (йидга *azizyo*), *wiškéno* «амбар для соломы» (*uščéno*), *wišk* «сухой» (*ušk*), *wiŕow* «звать» (*ušā-*), *wižār-* «смотреть» (*užer-*) и др.

Из известных ныне 2500 мунджанских основ около 900 могут быть отнесены к исконному фонду или же к ранним заимствованиям, по крайней мере именно такое количество основ может потребовать специальных этимологических разъяснений. Остальную массу составляют заимствования из персидского. (Из «персидских» говоров северного Афганистана. В рецензируемой работе автор в предисловии обещает именовать эти говоры «персидскими», однако в процессе последующего изложения иногда именует их и «таджикскими».) Из указанных 900 основ — более 400 имеют хорошие иранские этимологии, около 100 могут быть отнесены к ранним заимствованиям (преимущественно из персидского или индоарийских языков), а остальные остаются пока неразъясненными или же предложенные этимологии малоубедительны.

Среди исконно мунджанских слов, впервые зафиксированных А. Л. Грюнбергом, некоторые представляются чрезвычайно важными в плане сравнительно-исторического изучения иранских языков. К таким словам принадлежит в первую очередь предлог направления *kə*, который может быть сближен со славянским *kъ(н)* (русс. *к, ко*). Среди иранских языков родственный предлог засвидетельствован еще в согдийском (согд. (?) *kw*, ср. авест. *qam*). Важная ирано-славянская изоглосса получила теперь еще одно подтверждение.

Вот еще несколько этимологий новых мунджанских слов:

fəy «молозиво». **fiyūša*, др.-инд. *piyūṣa-*, вах. *piyē* «молозиво».

frōta «основа (ткацк.)», **fra-vrta-*, ср. ягн. *wert-* «натягивать основу», *√vart. mal-* «подниматься (о тесте)».

**mað-*. В большинстве иранских языков этот корень получает значение «скисать (о молоке)»: вах. *moð-* «скисать», ягн. *nimodīn* «заквашенное молоко» и др. *nəm-* : *nəmd-* «нагибаться». **nam-*, авест. *nam-* id.

pārižna «рама окна в крыше». **pa-ri-rauṣana-*, ср. **rauṣana* > тадж. *rawzān*, вах. *ricn*, язг. *raŕōn* «окно в крыше для выхода дыма и освещения».

pilgiya «ветры». **pard-*.

san- : *sanoy-* «подниматься». **san-*, согд. *sn-*, хотанск. *san-*, парф. *sn-*, ишк., вах., ягн. *san-* «подниматься».

šīñēya «яловая». **starīn(i)-*, ср. др.-инд. *starī-*, пугн. *sitiṛ*, вах. *stīn* «яловая, нестельная».

tən- : *təð-* «натягивать основу». **tan-*, авест. *tan-* «тянуть» и проч.

wurān «мельничное колесо (турбина)». **varθana-*, $\sqrt{\text{varθ}}$, ср. тадж. *navārd* «вращающийся вал», пушг. *warḁān* «мельничный вал».

ḁin- : *ḁinoy* «строить стену». **ḁin(v)-*. Предлагаемая этимология позволяет проследить семантическое развитие двух древнеиранских корней *ḁin(v)* «собирать» (так в большинстве иранских: тадж. *ḁin-* и др.) и *daiz* «строить» (авест. *daēz-* «строить», согд. *duz*, тадж. *diz*, *dez* «крепость; стена»), но ср. мундж. *diz-* : *dizd-* «собирать, сгребать».

По количеству слов исконной лексики с хорошими иранскими этимологиями мунджанский определенно претендует на одно из первых мест среди других восточноиранских языков памирско-гиндукушского региона (во всяком случае, опережает ишканимский и ваханский).

К числу недостатков словаря¹ следует отнести, во-первых, пропуски. Ряд слов, засвидетельствованных в текстах (преимущественно, правда, заимствования из персидского и географические названия), в словарь не включен. К числу существенных пропусков относятся *nārāway* «черный», *nāmeḁ* «молитва, намаз». Кроме того, «по соображениям экономии места» (стр. 268) в отдельные статьи не вынесены варианты слов, встречающиеся в текстах. С одной стороны, хорошо, что тексты не нормализованы, как нередко бывало до сих пор в иранистических работах, но, с другой стороны, отсутствие статей на варианты затрудняет чтение текстов.

Заимствования из персидского даются в словаре с пометой «перс.», что является возрождением принципа, применявшего И. И. Зарубиным в его первых работах по восточноиранским языкам этого региона (его помета: «заимств.»), преданного впоследствии забвению нашими иранистами. Действительно, не всегда бывает легко отделить заимствованную лексику от исконной, тем более, что заимствуется лексика родственного языка, поэтому осторожнее, как это и делает А. Л. Грюнберг (стр. 268), говорить об одинаковой употребительности некоторых слов как в персидском (таджикском) местном говоре, так и в соответствующем восточноиранском языке. В рецензируемом словаре помета «перс.» не всегда употреблена уместно. Неясно, например, почему получили эту помету такие слова, как *owd* «озеро», *pīsten* «вымя». С другой стороны, не имеют пометы «перс.» такие общеупотребительные во всех персидских (таджикских) говорах Бадахшана слова: *bānā* «семья, клан», *yūr* «незрелый», *kurūt* «вид сыра», *kutāx* «вид творага», *kutāl* «под уздцы», *pāčowga* «запор мельничного желоба», *rəkobi* «маленькая миска», *šak* «иней», *šāl* «сухорукий, хромой», *šalxā* «щавель», *tāmūs* «жаркое время года»,

tārāy «гнедой» и многие другие¹. Недостатком объясняется двукратное повторение статьи на основы *wižn-*, *wəzn-* «мыть, стирать».

Работу завершает краткий грамматический очерк мунджанского языка (стр. 398—471). Очерк отличается четкостью и лаконичностью, но вместе с тем он достаточно полон и, несмотря на свой лаконизм, может представить интерес и с методической стороны. Так, впервые в иранистике система мунджанского вокализма трактуется как гетерогенная, состоящая из двух подсистем: собственно мунджанского вокализма и вокализма заимствованных слов. Традиционная схема вокализма в восточноиранских языках этого региона, в которой как элементы одной системы рассматривались все звучания гласных в зарегистрированных словах (более того, заимствования как таковые даже особо не оговаривались), на самом деле, видимо, не отражает действительного положения. В условиях двуязычия к вокализму, как к сфере фонетики, наиболее неустойчивой и подверженной взаимопроникновению, следует подходить иначе. В очерке А. Л. Грюнберга, по необходимости, нашли отражение лишь некоторые наметки нового похода к вокализму восточноиранских языков этого района, однако сама идея представляется не только верной, но и исключительно плодотворной.

Следует отметить, что простота грамматического строя восточноиранских языков памирско-гиндукушского региона чисто кажущаяся. В действительности, довольно трудно разобраться в сложных рядах омонимических местоимений, образующих слитные формы с многочисленными предлогами, в различии спряжений переходных и непереходных глаголов, в типах причастий. А. Л. Грюнбергу удалось начертать четкую и ясную схему мунджанской грамматики, которая может явиться надежной основой для дальнейших более углубленных разысканий. По имевшимся ранее материалам составить даже такой краткий очерк грамматики мунджанского языка было бы невозможно.

В грамматическом очерке обращает на себя внимание большое число таблиц, особенно в разделе, посвященном глаголу (10 таблиц). Система образования глагольных форм в мунджанском довольно сложна, но, благодаря таблицам,

¹ В приложении к вышедшей позднее книге В. С. Соколовой «Генетические отношения мунджанского языка и пушна-но-язгулянской группы» (Л., 1973, стр. 244—246) А. Л. Грюнберг приводит дополнения и исправления к рецензируемой работе, в частности, списки слов с пропущенными пометами «перс.», отсутствующие параллели из йида, уточненные написание отдельных слов.

содержащим классификацию всех зафиксированных простых глаголов, эта часть мунджанской морфологии освещается достаточно понятно (§§ 105—110, стр. 434—444). Вместе с тем можно заметить, что раздел о морфологии совершенных форм, пожалуй, чрезмерно лаконичен (§§ 100—104, стр. 433—434). В этом разделе в табл. 15 не указаны возможные типы конструкций перфекта с неоформленными прямыми дополнениями в 1 и 2-м лице. В § 103, предвещающем табл. 16, очевидно, опечатка — следует читать: непереходного глагола. Эта опечатка тем более досадна, поскольку примеры, приводимые и в табл. 15 и в табл. 16, даются без перевода.

Большим достижением является выделение в мунджанском четких говорных различий. Выделяемые автором три говора именуются, правда, не всегда единообразно. Так, в очерке они называются: нижний, центральный и верхний, а на прилагаемой карте обозначены соответственно как северный, центральный и южный.

В целом можно утверждать, что книга А. Л. Грюнберга полноценно и достовер-

но представляет мунджанский язык, к которому теперь уже нельзя прибавлять эпитет «малоисследованный».

Судя по заголовку, автор намеревается посвятить описанию языков Восточного Гиндукуша целую серию, которая по представленным в ней материалам и качеству их интерпретации (как видно по рецензируемой книге) обещает превзойти хорошо известную серию Г. Моргенштерне «Indo-Iranian Frontier languages» (Oslo, 1929—1956).

В этой связи можно еще раз напомнить, что вряд ли у лингвистов есть в настоящее время более неотложная задача, чем фиксация исчезающих языков и диалектов. В условиях нарастающего двуязычия процесс отмирания исконной лексики, обеднения морфологии и уподобления фонетических и синтаксических структур происходит стремительно и неотвратимо. Так, А. Л. Грюнберг уже не застал в мунджанском некоторых слов, которые фиксировались его предшественниками несколько десятилетий тому назад.

И. М. Стеблин-Каменский

3. Ю. Кумахова. Развитие адыгских литературных языков. — М., «Наука», 1972. 280 стр.

История развития и становления литературных языков народов СССР и зарубежных стран разрабатывается достаточно широко, и тем не менее до сих пор в лингвистической литературе не получили однозначного решения многие проблемы, касающиеся литературных языков. Более того, само понятие литературного языка продолжает оставаться недостаточно четким. Нередко наблюдается отождествление понятий «литературный язык» и «письменный язык». Указывая, что, с одной стороны, это приводит к расширительному толкованию понятия «литературный язык» (поскольку под этим термином иногда понимается любой графически запечатленный текст речи), а с другой, рамки литературного языка сужаются (ограничиваются только письменной формой существования языка), автор рецензируемой монографии придерживается мнения, что литературный язык функционирует в двух разновидностях — устной и письменной.

Изучение вопросов развития и становления адыгских литературных языков фактически началось с момента создания письменности на этих языках. Тем не менее, многие из этих вопросов оставались не освещенными в адыгском языкознании. В монографии З. Ю. Кумаховой на широком фактическом материале рассматриваются фонетические, морфологические, синтаксические и лексические явления адыгских литературных языков в их развитии и становлении. Значитель-

ное место отводится вопросам нормы, социальной дифференциации адыгских языков, соотношения различных форм их существования («Введение», стр. 5—11, гл. I «Создание письменности», стр. 12—28). Автор уделяет особое внимание проблеме вариативности на разных уровнях языковой структуры, подробно исследует иноязычный вклад в адыгских языках, рассматривает принципы разработки алфавитов, орфографии и терминологии, выявляет их достоинства и недостатки (гл. II «Вопросы алфавитов, орфографии и терминологии», стр. 29—54).

В гл. III «Фонетика» (стр. 55—101) З. Ю. Кумахова отмечает, что многие вопросы фонетики адыгских литературных языков до сих пор не получили однозначного решения. К ним относятся, например, вопрос о количестве фонем в этих языках. На основе анализа исконной адыгской лексики здесь выделяется 54 согласных фонемы в адыгском литературном языке и 47 согласных фонем в кабардино-черкесском литературном языке. На характеристике консонантизма следовало бы остановиться более подробно, но ограничиваясь ссылкой на ранее опубликованную статью¹.

¹ З. Ю. Кумахова, К фонологической интерпретации консонантизма в адыгских языках, сб. «Вопросы исторической фонетики и фонологии горских иберийско-кавказских языков. Тезисы докладов», Тбилиси, 1967.